

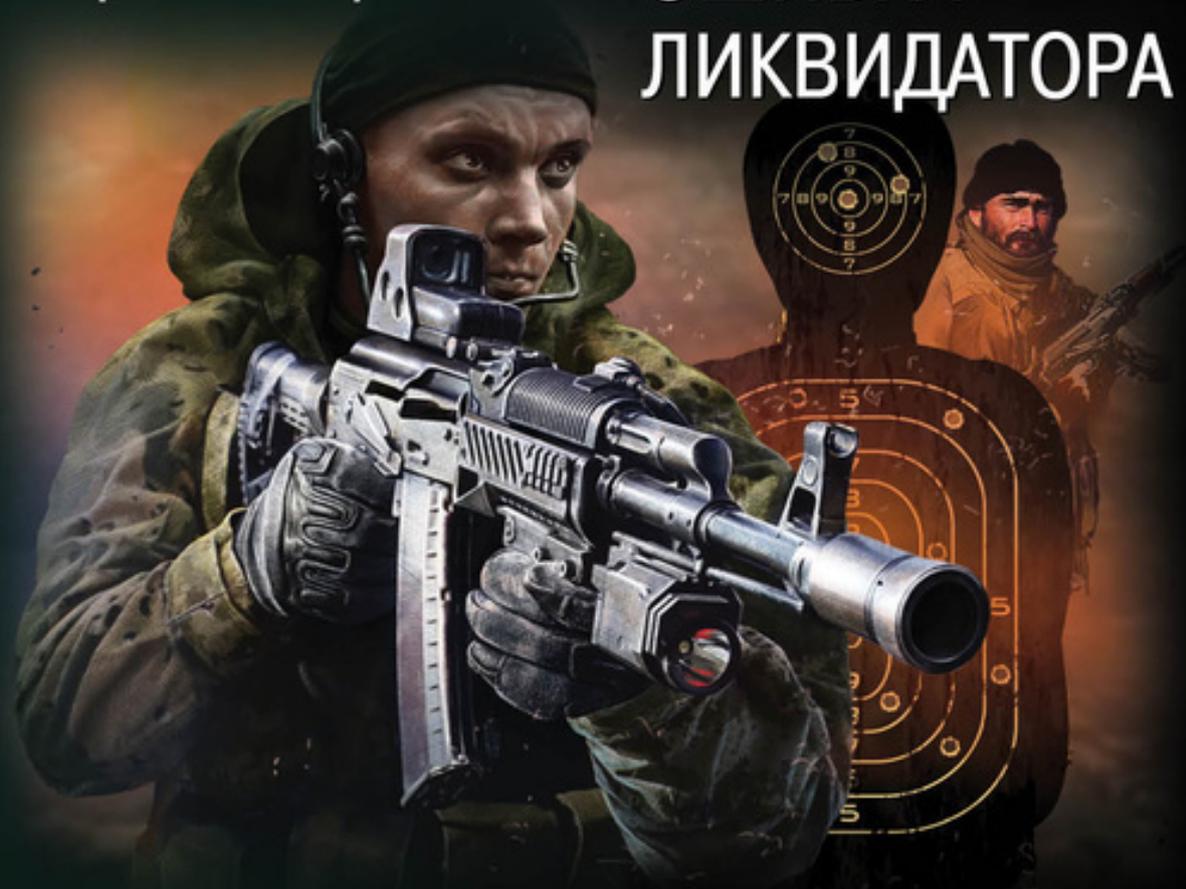
★ ВЕЛИЧИЕ РОДИНЫ – В ВАШИХ СЛАВНЫХ ДЕЛАХ ★

СПЕЦНАЗ

ГРУ

Сергей Самаров

ОШИБКА
ЛИКВИДАТОРА

Спецназ ГРУ

Сергей Самаров

Ошибка ликвидатора

«Автор»

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Самаров С. В.

Ошибка ликвидатора / С. В. Самаров — «Автор»,
2017 — (Спецназ ГРУ)

ISBN 978-5-04-004061-2

За убийство наркоторговца капитану ГРУ Максиму Онучину грозит суд и уголовное наказание. Но капитан – профессионал экстра-класса, такими, как он, не разбрасываются. Руководство ГРУ предлагает Онучину поступить на службу в сверхсекретное подразделение ликвидаторов. При этом ему придется стать человеком вне закона: сменить фамилию, расстаться с семьей и забыть свои прежние заслуги. Максим соглашается. Неожиданно очередная операция группы пошла не по плану, а сам Онучин стал заложником обстоятельств, грозящих новым крутым поворотом в его жизни...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-004061-2

© Самаров С. В., 2017
© Автор, 2017

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	18
Глава 3	24
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Сергей Самаров

Ошибка ликвидатора

© Самаров С., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2017

Глава 1

Приятное, признаюсь, это ощущение – собственная значимость. Тут и дрожжей не требуется. Так стремительно поднимается личная, возможно, не всегда объективная, самооценка. Вплоть до заоблачных высот. А это, как я понимаю, уже не есть слишком хорошо. Данный момент может помешать в сложной ситуации, не позволит сделать реальную оценку своих и чужих возможностей.

Маленький остроносый вертолетик «Белл 407» управлялся всего одним пилотом. Машина прибыла по мою душу и приземлилась на плацу военного городка, который несколько лет назад был приспособлен под посадочную площадку. Хотя ни в каких документах никто не решался называть ее вертолетодромом.

Мне был предложен шикарный выбор. Я мог лететь на месте второго пилота или в пассажирском VIP-салоне. Я, конечно, не являюсь очень важной персоной, но такое отношение все же льстило мне. Приятно было осознавать, что до меня на этом маленьком вертолетике катались, скорее всего, различные генералы ФСБ. Именно этому почтенному ведомству он и принадлежал.

Я заглянул внутрь, чтобы узнать, как летают эти самые VIP-персоны. Из салона открывался прекрасный обзор с любого из четырех кресел. Мне, привычному к военным вертолетам, иногда даже бронированным, их величина показалась огромной, просто небывалой.

Но в излишне мягком кресле мне одному было бы скучно даже в коротком перелете до Моздока. Вылетали мы одновременно с рассветом. У меня была возможность смотреть вдаль и вниз во все стороны.

Но я выбрал пилотскую кабину. Мой извозчик был в шлеме с наушниками. Шею ему опоясывала полоска ларингофона, с помощью которого он общался то с диспетчером, то еще с какой-то службой, то со своим командованием. Разговаривать с ним было практически невозможно.

Да и вид у него был мрачноватый. Мне сразу бросилось в глаза, что пилот из разряда молчунов. Тяжелая нижняя челюсть, как правило, подчеркивает именно эту черту характера человека. Но лететь в салоне, пусть и очень удобном, было бы еще скучнее, чем рядом с этим человеком.

Я часто летал на винтокрылых машинах, в общем-то достаточно привык к ним, но никогда не видел ни у одной такого обширного переднего остекления. Даже дверца была здесь прозрачная до самого пола. Я открыл ее, забрался в кабину и устроился рядом с пилотом.

Мне можно было вылетать. Свое штатное оружие я уже сдал начальнику штаба майору Оглоблину.

Формально, под роспись, сдавать ротные дела не стал. Я хотел, чтобы ни у кого не было возможности поинтересоваться, каким образом сбежавший заключенный умудрился сдать дела своей роты. Почему при этом никто его не задержал и не сопроводил в СИЗО на растерзание вертухаям, голодным до этого дела.

Я все сказал старшему лейтенанту Шершневу, которого сам и рекомендовал на освободившееся место командира роты спецназа ГРУ, когда мы ехали в боевой машине пехоты от Махачкалы до военного городка отряда.

Наша колонна состояла из БМП, трех грузовиков, кузова которых были укрыты тентами, и двух бронетранспортеров, украшенных эмблемами с летучей мышью на фоне земного шара. Они шли в замыкании.

Патрульные машины ДПС на дороге стояли по-прежнему. Рядом с одной из них отдыхал бронетранспортер ОМОНа. Самих омовцев в отличие от минувшего дня, когда они курили

на броне, теперь видно не было. Видимо, солдаты спали в траве рядом с дорогой и не проснулись, когда наша колонна проследовала мимо. Крепкие парни из ОМОНа дрыхли на свежем воздухе без задних ног. Инспекторы ДПС тоже изволили почивать.

Механик-водитель БМП, младший сержант контрактной службы из автороты, со смешком констатировал, что на руле их автомобиля лежат чьи-то ноги. Мы со старшим лейтенантом Шершневым сами этого не видели, но даже выглядывать не стали. Ментам тоже иногда полагается спать. Тем более что пост здесь стоял уже вторые сутки, караулил меня. Эти ребята дважды встречались со мной лицом к лицу, но узнать не смогли.

Короче говоря, до военного городка спецназа ГРУ я добрался без проблем, хотя был уже без значительной части своего грима. Подполковнику Саенкову из ФСБ я позвонил еще с места проведения последней операции. Он обещал тотчас же заняться подготовкой для меня вертолета. Потом Валентин Валентинович позвонил мне сам, сообщил, что пилот сейчас в отъезде. Он вернется только через два часа. Полковнику удалось найти его и созвониться с ним. Как только этот человек появится, он сразу вылетит на нашу вертолетную площадку. Механики уже готовят его машину. Место, куда лететь, пилот знает. Он уже бывал здесь. Да и диспетчер давно проложил маршрут, которым следует лететь.

Два с лишним часа мне выпало на сборы и на прощание с ротой. Я поговорил с начальником штаба отряда и представил личному составу нового командира. Он пока будет только исполнять обязанности, тем не менее, как человек, с ротными делами знакомый не понаслышке, является вполне вероятным претендентом на эту должность. Конечно, решать все будут в батальоне, в бригаде и в Москве, но там, надеюсь, согласятся.

Я сам руководил последней операцией и написал рапорт о ее проведении, потом заставил старшего лейтенанта Шершнева копировать текст своей рукой и подставить под ним закорючку. Таким вот образом получалось, что Шершнев уже командовал ротой в ходе проведения боевой операции, хотя до этого он отвечал только за свой взвод.

Мне было не жалко того маленького кусочка славы, который выпал на долю старшего лейтенанта. А она здесь присутствовала.

Обычно все операции по захвату бандитов, засевших в домах, проходят куда более шумно, с обильной стрельбой, с применением бронетехники, хотя бы ради прикрытия. Дом обязательно получает повреждения. Порой изрядно достается и близлежащим строениям. Иной раз все они сгорают напрочь.

Мы же обошлись двумя выстрелами внутри дома и четырьмя – в подземном ходе. После этого все было кончено. Не пострадал никто из мирных жителей. Все их имущество осталось в целостности и сохранности.

Спецназовцы МВД и даже ФСБ, наверное, уже и не помнят таких удачных и тихих дел на своем счету. Они привыкли брать дома штурмом, не желают загрузить голову хитростью и стараются исключить минимальный риск. Но с таким подходом эти ребята никогда не проведут ни одной толковой операции.

Когда бронетранспортер выбивает дворные ворота или проламывает забор, чтобы создать проход, он всегда рискует нарваться на встречный выстрел гранатомета или даже кое-чего пострашнее. Например, наши бандиты имели на вооружении два огнемета «Шмель». Об этом доложил мне из подземного хода старший лейтенант Шершнев.

В момент атаки десант, как правило, внутри бронемашин не находится. Собой рискуют только механик-водитель и стрелок-наводчик. Бойцы двигаются позади транс-портера, укрываются за ним. Если он будет поражен, в нем детонирует боезапас, то мало никому не покажется. Машину просто разнесет. Солдаты, находящиеся рядом, погибнут или получат тяжелые ранения.

Проход во двор будет закрыт корпусом бронетранспортера. Вернее, тем, что от него останется. Запускать в дело второй или боевую машину пехоты, если они есть в наличии, никто не будет. Ведь и их запросто может постичь та же участь.

Тогда начнется долгий бой, который наверняка завершится практически полным уничтожением дома, в котором жили люди. Да и соседним постройкам тоже изрядно достанется. Окон они наверняка лишатся. Стены дома будут посечены пулями и осколками. Эта боевая работа займет несколько часов.

А перед самой операцией придется отключать по всей линии газ. Для этого необходимо будет найти трезвого и дееспособного слесаря, что не всегда удается сделать без предварительной договоренности. Потом, после боя, начнется обстоятельная проверка всей системы газоснабжения, которая может быть повреждена пулями или осколками. Жителям квартала подключат газ только к середине следующего дня. Это в самом лучшем случае.

Память об этой операции в людях засядет надолго. Они будут рассказывать, как героически защищались бандиты, как долго военные не могли с ними справиться, хотя и превосходили их числом и вооружением. Это тоже пойдет не на пользу федеральным силам.

На нашу операцию люди среагировали однозначно. Мол, что, уже?..

– Уже. – Ответили мы и уехали, оставив участкового старшего лейтенанта полиции Даутова выводить людей из убежищ, в которые он их загнал.

В рапорте, который подписал старший лейтенант, я не забыл отметить и роль этого стража порядка, который продемонстрировал свои навыки карате, выбил автомат из рук Бурилят Манаповой. Участковый по сути дела пробежал по стене, хотя и всего-то полтора шага. Его толчок ногой и все, что за ним последовало, весьма впечатлили меня. Я решил на первой же тренировке по рукопашному бою отработать такое движение. Технически это казалось мне не слишком сложным. Я успел увидеть и запомнить траекторию, по которой перемещалось его тело. Там главное – взять резкий разбег в два шага, когда летишь к стене. От быстрого старта зависит все остальное.

Вертолет поднял меня быстро. Пилот обошелся без ненужных вопросов о цели этого полета. Я даже не знал, что отвечал бы на них. Наверное, отделялся бы стандартными фразами типа «оперативная необходимость».

А вот ответ на вопрос о том, почему для полета был выделен вертолет ФСБ, тогда как у нас и своих хватает, причем куда более мощных и скоростных, был мне вполне ясен. Гонять ради одного человека боевой вертолет не разрешало командование, а оперативная необходимость требовала, чтобы я как можно скорее прибыл в Москву.

О том, что лететь мне после Моздока предстоит именно туда, пилот вертолета знал. Он сообщил, что самолет из столицы уже отправился за мной. До Моздока он доберется скорее всего быстрее, чем мы, поскольку скорость имеет приличную.

Я даже не стал спрашивать, какой именно самолет летит за мной, сделал умный солидный вид, однозначно означавший: «Да, конечно. Я в курсе». Взлетная полоса на аэродроме моздокской бригады серьезная. Ее используют даже тяжелые десантные самолеты.

Я, честно говоря, так и не разобрался толком, кому принадлежит этот аэродром, бригаде или ВКС, да никогда и не ставил себе такую цель. Мне, простому командиру роты спецназа, не годится соваться в дела, которые меня не касаются.

Да и с самой моздокской бригадой творилась какая-то весьма темная история. Ее тоже не понять простому командиру роты, поскольку мне при моей должности таких тонкостей не докладывают. Вначале, помню, она так и называлась – отдельная бригада специального назначения. Сейчас именуется проще – отдельная разведывательная. Официально бригада подчиняется командованию Южного военного округа, а не ГРУ. Хотя она и была сформирована на

базе нескольких подразделений нашего спецназа. То ли соединение по инерции продолжало до сих пор выполнять задания ГРУ, то ли было передано назад.

Первоначальное переподчинение происходило во времена того самого министра обороны, которого буквально все в армии, даже солдаты, презрительно звали Табуреткинским. Тогда началась передача бригад спецназа ГРУ под командование округов, то есть фактическое уничтожение элитных под-разделений войсковой разведки. Таким вот образом бригада спецназа ГРУ стала называться Сотой отдельной разведывательной. Кажется, в ее официальном названии присутствует даже слово «экспериментальная». Но время экспериментов прошло.

А в данный момент все это меня вообще касалось очень мало. Я просто летел к коллегам-разведчикам, откуда должен был отправиться в Москву. Там мне предстояло сменить профиль своей деятельности.

По пути я взглядом прощался с Кавказом. Пусть он и называется Северным, но все равно куда более приятен, чем, допустим, Южный Урал. Места тут курортные и весьма привлекательные. Горы, которые оставались под нашими ногами, не были настоящими, серьезными. Те располагались намного южнее.

Но долго любоваться Кавказом мне не пришлось. Мы прилетели очень быстро. Как только вертолет совершил посадку, пилот получил сообщение, как я понял, от диспетчера.

Он выслушал его, дал подтверждение, потом отстегнул ларингофон от горла и сообщил мне:

– Капитан, диспетчер просит вас не покидать вертолет, пока за вами не прибедет машина. Вас сразу, без задержки в здешней части, отвезут к самолету, как только он завершит заправку. Это произойдет очень скоро, через пару-тройку минут.

Я по своей сути человек вполне обычный. Поэтому, как и все нормальные люди, терпеть не могу, когда приходится ждать. Конечно, я ведь офицер спецназа, ждать умею, но не люблю этого во всех бытовых делах.

Только вот я до сих пор не сумел определить, является ли мое нынешнее положение бытовым делом или это выполнение боевой задачи. С одной стороны, я просто перемещался из одного места службы в другое. После этого, насколько я понимал, суть моих занятий должна была смениться. С другой стороны, я бежал от преследования, менял внешность и документы, попутно немножко воевал.

Машину долго дожидаться не пришлось. Стандартный армейский «УАЗ» подъехал прямо на стоянку вертолета. С переднего пассажирского сиденья выпрыгнул на бетон офицер в форме десантника и призывно махнул мне. Я пожал на прощание руку пилота, кивком поблагодарил его за доставку и вышел.

Десантник посмотрел на мои погоны. Я глянул на его плечи. Оба мы носили капитанское звание, то есть были равны. Но здесь не шла речь о приоритетах. Он, наверное, всего лишь хотел удостовериться в том, что видит именно того человека, за которым его и прислали.

Этот факт подтвердил его вопрос:

– Капитан Окишев?

– Он самый. – Я не видел причины называться здесь капитаном Овсовым.

– Поехали. Самолет ждет.

Я забрался на заднее сиденье, капитан-десантник занял свое место впереди, и «УАЗ» сразу тронулся. Ехать было недалеко, на стоянку самолетов.

В конце длинного ряда крылатых машин разных марок стоял какой-то небольшой иностранный самолет. Я догадался, что мы едем именно к нему. В кабине пилотов горел свет, дверь, расположенная неподалеку от нее, была открыта, на бетон спускалась лесенка. Горел свет и в немногочисленных окнах салона, в котором мне предстояло лететь до Москвы.

Я знал, что такие самолеты относятся к бизнес-классу. На них летают богатые бизнесмены. На остром носу машины было написано импортными буквами: «Dassault Falcon

7X». Ниже стояло и обозначение владельца, уже по-русски: «Министерство обороны». Такая машина должна была бы возить генералов, а не капитанов.

Но ее прислали за мной. Я подумал, что очень нужен какой-то сверхсекретной службе, и снова возгордился, хотя в глубине души понимал, что чувство это напрасное и ни на чем не основанное. Новая служба сахаром мне ни разу не покажется. Вероятно, она будет идти вразрез со многими моими нравственными принципами.

Когда машина остановилась рядом с трапом, из самолета вышла стюардесса – высокая и красивая, как ей и полагалось быть в моем понимании. На ней была военная форма с авиационными эмблемами, на плечах – погоны старшего сержанта.

Я строго по-уставному козырнул и поднялся по лесенке в самолет. Только наверху, в самом проходе, остановился и прощальным жестом поблагодарил капитана-десантника. Стюардесса поднялась за мной и нажала какую-то кнопку. Дверь прижалась к корпусу самолета, лесенка поднялась внутрь.

– Проходите в салон, устраивайтесь, товарищ капитан, – вежливо предложила она мне, соблюдая уставную форму обращения.

В салон я уже заглянул. Там все было еще более шикарно, чем в вертолете. Не хватало только таких же больших окон с широкой обзорностью. Но в самолете они, видимо, и ни к чему, поскольку эти машины обычно летают выше облаков. А обозревать кучи ваты под ногами – в этом занятии интересного мало. Кому-то от этого может стать даже страшно, но не мне, имеющему в своей прошлой жизни командира роты спецназа ГРУ более тысячи прыжков с парашютом.

– Какое место мое? – поинтересовался я.

– Любое. Все свободны.

Навскидку, не считая, я определил, что в салоне более полутора десятков мест. Это довольно много для одного человека, даже бывшего командира роты. Тут стояли даже диваны, на спинках которых висели клетчатые пледы, чтобы можно было укрыться и уснуть. Я сразу вспомнил, что проводил ночную боевую операцию и не имел никакой возможности приклонить голову к подушке.

– Можно и на диване вздремнуть, да? – Я с разбега в чужой монастырь со своим уставом не полез, проявил вежливость, соответствующую моменту.

– Если, конечно, есть желание или необходимость. Но через сорок пять минут будет готов завтрак. Я вас тогда разбужу, да? Или перенести завтрак на более позднее время?

– Лучше попозже, часа на два, а то и три. Мне ночью поспать не довелось, – проговорил я и прошел в салон.

Я слышал за спиной шаги стюардессы и понимал, что в таких машинах обычно летают люди, имеющие лампасы на брюках и по несколько больших звезд на погонах. По крайней мере, генерал-майора, в моем понимании, в такой самолет просто не пустили бы. Чином не вышел. А вот мне, капитану, довелось попользоваться всей этой роскошью. Как после этого самооценке не взлететь до звезд!

– Через два с небольшим часа мы уже в Москве будем.

– Тогда через час или полтора.

– Тогда это уже сразу будет обед.

– Меня и это устроит. Мне сейчас обязательно нужно выспаться, чтобы потом голова была свежей.

Да, на месте прибытия мне следовало иметь свежую голову и ясный разум. Хотя отказаться от продолжения службы в новом формате я уже не имел никакой возможности. Это было бы чревато последствиями и неприятностями, возможно, связанными с колючей проволокой. Это в самом наилучшем случае.

Я разулся, упрятал пыльные берцы под диван, лег и прикрылся пледом. Заснул сразу же, по собственному приказу, подкрепленному желанием организма еще до взлета.

– Капитан! – позвала стюардесса, остановившись рядом. – Полтора часа прошло. Пора обедать, а то мы скоро в Москве будем. Там обеды дорогие.

Проснулся я сразу, все вспомнил, обулся и перешел с дивана в кресло за столом, который стюардесса уже накрыла. Дорогие обеды меня не сильно пугали, хотя я привык питаться в армейской столовой, где даже в офицерском зале цены были вполне приемлемыми. Да и деньги на первое время для проживания в Москве у меня были. А в пище я был непривередлив. Поэтому все те полуфабрикаты, которыми стюардесса кормила меня в самолете, пришлось мне вполне по вкусу.

Я, конечно же, поблагодарил девушку за обед и начал ощущать, что самолет снижается. Значит, мы уже на подлете. Но в таких самолетах бизнес-класса, как и в десантных машинах, пассажиры не обязаны пристегнуть перед посадкой ремни, хотя они есть на каждом кресле. Поэтому громкого объявления на сей счет не последовало.

– Мы в какой аэропорт прилетаем? – осведомился я.

– В Чкаловский. Там вас, товарищ капитан, машина встретит. Обещали прямо на стоянку заехать, просили вас не высаживать до прибытия автомобиля. Строгости какие!.. Но это дело обычное. Аэродром-то военный.

Я промолчал. Не объяснять же этой милой девушке с погонами старшего сержанта, что я нахожусь в розыске. Причем не только как человек, убивший наркоторговца – это обвинение, надеюсь, с меня снимут, – но и как подозреваемый, сбежавший из-под стражи. При этом были убиты три охранника СИЗО. Для пущей важности мне могут еще приписать убийство двух заключенных в самом СИЗО. Мои заявления о том, что я в одном случае только защищался от профессионального бойца ММА, а ко второму убийству никакого отношения не имею, будут звучать неубедительно для любого человека, тем более для женщины. На боевые навыки офицера спецназа можно списать все что угодно.

– А кто встречать будет? – спросил я, не особо надеясь получить ответ.

– Самолет какая-то женщина отправляла. Такая... я бы сказала, очень уж стройная. – Стюардесса проявила мягкую корректность. – Даже чересчур. Она и пилотов инструктировала. Наверное, и встречать вас будет. Строгая очень, прикрикнула на меня, торопила, когда я ей трап опускала. А ведь там механизм работает. Я же не могу его ускорить.

– С полковниками это бывает, – посочувствовал я. – Они и на младших офицеров порой покрикивают.

– Эта кусачая селедка – полковник? – искренне удивилась стюардесса, смущенная, видимо, моложавым видом полковника Самокатовой.

– Если это она, то полковник. По описанию подходит, – сказал я.

Мне было понятно, что старшему сержанту негоже так говорить о полковнике, как, впрочем, и капитану. Но замечания я все же не сделал, потому что сам недавно искал сравнение, используя схожий лексикон.

По большому счету женские разборки, как и их языки, не должны выбивать из колеи офицера спецназа. Женщина останется таковой при любом воинском звании. Она всегда будет видеть конкурентку в любой другой представительнице прекрасного пола. Уверен, что и полковнику Самокатовой не слишком пришелся по душе внешний вид старшего сержанта воздушно-космических сил. Я же, напротив, засмотрелся на ее походку, когда стюардесса прошла в конец салона. Она, настоящая женщина, даже ножками ухитрилась «строить глазки».

Вскоре снижение стало четко ощутимым. Я начал смотреть в иллюминатор и уловил момент, когда самолет опустился ниже облаков. Москву из моего иллюминатора видно не было. Она находилась за противоположным крылом. Но я туда не перешел, не желая показать

своего любопытства. Все равно если я что и увижу, то вовсе не Кремль и не Красную площадь, а только обычные окраинные городские строения, которые в Москве, как и в других городах, совмещаются с промышленными предприятиями. Только по количеству автомобилей на дорогах я смогу понять, что вижу действительно Москву. Ни в одном другом городе страны нет такого количества личного транспорта. Любоваться таким пейзажем у меня настроения, естественно, не было. Потому я остался в своем кресле и продолжал смотреть в иллюминатор.

Самолет делал над аэродромом стандартную «коробочку». Саму взлетно-посадочную полосу я, естественно, со своего места разглядеть не мог, но по движению самолета ощутил, что он развернулся к ней носом и пошел на посадку. В иллюминатор было видно, как опустились закрылки. Земля стремительно приблизилась. Крылатая машина покатила по взлетно-посадочной полосе.

Пробег был не слишком большим. После чего самолет вырулил на стоянку и остановился. Вот и все. Приехали.

Самолет не двигался, замер на месте. Но я с кресла не вставал, помнил предупреждение стюардессы насчет того, что ей не велено выпускать меня из салона, пока за мной не придет кусачая селедка в полковничьем мундире. Впрочем, сама она могла и не беспокоиться по столь незначительному поводу, прислать кого-то из подчиненных. Я опять вынужден был ждать.

Этот самый армейский «УАЗ» я увидел в иллюминатор издалека. Хотя ошибиться было не сложно. Все-таки аэропорт Чкаловский принадлежит Министерству обороны, и здесь таких автомобилей можно встретить, наверное, великое множество. Но тот, который привлек мое внимание, целенаправленно ехал в нашу сторону между стояночными рядами и быстро приближался.

Я не ошибся. Автомобиль и в самом деле остановился неподалеку от нас, но из него никто не вышел. Сквозь лобовое стекло машины я видел, как военный, занимавший переднее пассажирское сиденье, с кем-то общался по рации.

Наконец-то из пилотской кабины вышла все та же красавица-стюардесса и нажала какую-то клавишу на стене. Дверь стала медленно открываться, трап коснулся бетона. Девушка сделала мне приглашающий жест, и я двинулся на выход.

– Рюкзак не забудьте.

Она могла бы и не предупреждать. У меня память хорошая. Обычно я своих вещей нигде не оставляю. Просто еще не дошел до него. Я сделал пару шагов, поднял рюкзак и забросил лямку за плечо.

Пилотов я так и не видел. Они не покидали кабину. Наверное, хорошо выдрессированы, много чему научены при сотрудничестве с военной разведкой. Чем меньше видишь и знаешь, тем дольше живешь. Это закон.

Я передал свою благодарность пилотам через стюардессу. Старший сержант согласно наклонила голову, совершенно справедливо принимая эту благодарность и в свой адрес.

Я спустился по трапу. Из машины меня видели. С переднего пассажирского сиденья вышел капитан в форме ВДВ. Опять и снова. Но лицом и фигурой на утреннего капитана из Моздока этот человек ничуть не походил.

– Капитан Онучин? – спросил десантник.

– Он самый.

– Мне приказано доставить вас к месту службы.

– Едем, – сказал я, забрался на пустующее заднее сиденье и осведомился. – На Хорошевку?

– Никак нет. На секторальную базу. Полковник Самокатова ждет вас там.

Москву и Подмоскowie я более-менее знал, предполагал, что мы выедем на Щелковское шоссе. Как-то так повелось, что в этих местах почти в каждом лесочке располагаются базы

армейских подразделений и разных спецслужб. Почему-то я решил, что со Щелковского шоссе мы будем выезжать южнее, свернем в сторону Балашихи. Но машина гораздо раньше выскочила на Фряновское шоссе и миновала деревню Ледово.

Оттуда дорога повела нас в лес, под знак, запрещающий проезд. Но значительно больше, чем он, движению мешала сама эта грунтовка. Даже «УАЗ», отличающийся высокой проходимостью, несколько раз буксовал на коротком пути. Погода стояла теплая, если не сказать жаркая, но колея была заполнена жидкой грязью. Глубина ее была изрядная. Если бы сюда забралась легковая машина, то она села бы карданом на землю и не смогла бы выбраться без помощи трактора. А найти его здесь не так-то просто. В ближайшей округе почти нет обычных деревень, сплошь дачные домики современной постройки, так называемые садоводческие товарищества. Даже если тут и найдется тракторист, то его придется долго поднимать и похмелять, иначе он никуда не поедет.

Но «УАЗ» не зря давно служит в армии. С дорогой он справился, довез меня до металлических ворот с красной звездой на каждой створке. Они были вписаны в стандартный железобетонный забор, каким обычно огораживают стройки. Его звенья всегда устанавливаются в тяжеленные, тоже бетонные «стаканы», укрепляются клиньями. Понизу подгребается бульдозером земля. На армейских объектах под ней, как правило, проходит крепкая арматурная сетка, которую руками сорвать невозможно. А на строгих режимных объектах она в дополнение ко всему всегда соединена с сигнализацией.

Внешне, если со стороны посмотреть, это был какой-то заброшенный объект, построенный, видимо, еще в советское время. Будка КПП представляла собой старый строительный вагончик.

Из будки вышел старший прапорщик с нарукавной эмблемой инженерных войск. Он мог с таким же успехом носить и любую другую, но от этого не стал бы больше походить на военного разведчика, такого, каковых я видел все годы своей службы, – подтянутого, спортивного, уверенного в себе, имеющего пружинящую походку и прямую спину, не допускающего появления перед офицером в не совсем чистой одежде. А старший прапорщик внешне был именно из тех, кого в армии зовут разгильдяями.

Я сразу подумал, что это может быть банальный вариант маскировки. Или же пример того, что может допустить женщина, занимающая ответственный пост в армии.

Старший прапорщик подслеповато сощурил глаза, посмотрел на номер машины, вернулся через ту же дверь на КПП, сверился там, как я подумал, со списком и вышел к воротам уже изнутри. Чтобы хотя бы чуть-чуть, приблизительно, проверить свои впечатления, я вышел из машины, якобы желая помочь старшему прапорщику открыть ворота и пропустить «УАЗ». Ветер был крепкий, и створки требовалось придерживать.

– А что, солдат на КПП нет? – поинтересовался я.

– В столовую, товарищ капитан, отпустил. Сам пойду, как вернется.

С воротами мы справились. «УАЗ» заехал на территорию. Я вышел за ворота, придерживал их с обратной стороны, чтобы было удобнее закрывать, и только после этого забрел в сам вагончик КПП.

Внутри все было чистым и белым. Стены были обклеены светлым пластиком с холодным мраморным рисунком. На вполне современном столике стоял компьютер-моноблок со светящимся монитором. На нем была вовсе не какая-нибудь игрушка, а что-то деловое, какой-то список. Рассматривать содержимое документа мне никто не разрешал. Я встретился в двери со старшим прапорщиком, пропустил его в будку, а сам вышел на внутреннюю территорию.

«УАЗ» ждал меня. Я предположил, что закрытая территория довольно велика, поэтому необходимо ехать. Но определиться с этим даже приблизительно было сложно, поскольку база располагалась в лесу, и широкому обзору мешали деревья.

Я сел в машину. Мы поехали и остановились метров через пятьсот, рядом с двухэтажным зданием из силикатного кирпича.

– На первом этаже сидит дежурный по штабу. Доложи ему, что приехал, представься, он даст тебе провожатого до кабинета командира, – сказал мне капитан-десантник, как-то резко перейдя на «ты». – Моя миссия завершена. Мне еще до головного управления добираться.

Я вышел из машины, не забыв прихватить свой рюкзак с личными вещами и стандартный шлем от «Ратника», который снял, когда вышел помогать старшему прапорщику на КПП. Но делать доклад дежурному по штабу я предпочитал в шлеме, чтобы иметь возможность и честь отдать, как полагается по уставу.

Дальше все пошло так, как говорил капитан-десантник. После доклада дежурный майор, тоже, кстати, в форме ВДВ, вызвал из внутренней комнаты сержанта с нарукавной эмблемой инженерных войск, который и проводил меня на второй этаж, где располагался кабинет командира. Этот парень, в отличие от старшего прапорщика с КПП, выглядел настоящим солдатом, опрятным и подтянутым, таким, который может служить примером для рядового состава.

– Мне доложить? Или вы сами представитесь, товарищ капитан? – спросил сержант.

Видно было, что он робел перед дверью командира.

– Иди. Свободен. Сам представлюсь, – смилостивился я и постучал в дверь.

– Войдите.

Я вошел и увидел полковника Самокатову. Она сидела за рабочим столом, хмурилась и читала какие-то листы принтерной распечатки. Сам я делать этого не люблю, привык читать с монитора. Не понимаю людей, которые зачем-то текст распечатывают, но сидят все равно перед тем же включенным монитором. Можно подумать, что он в таком виде не воздействует на глаза.

Я шагнул вперед под суровым взглядом полковника и доложил по всей форме о прибытии в ее распоряжение.

– Садись, Максим Викторович. Можешь не рассказывать, чем там у вас в Дагестане дело завершилось. Я уже с Валентином Валентиновичем связывалась. Он мне кратко рассказал, что твой преемник провел успешную операцию, консультантом в которой выступал капитан Иван Васильевич Овсов, – проговорила Алевтина Борисовна, поправила очки и улыбнулась.

Я не мог не отметить, что улыбка весьма шла ей, делала лицо мягче, женственнее, убирала из взгляда армейскую суровость. Короче говоря, она почти что делала из полковника человека.

Я всегда считал, что практически полностью лишен тщеславия. Тем не менее мне было приятно, что она знает не только о том, как завершилась операция, но и об участии в ней Ивана Васильевича Овсова. Хотя это, возможно, было и не тщеславие вовсе, а только желание привезти с собой хорошую рекомендацию с прежнего места службы. А что может служить лучшей характеристикой, чем так вот успешно проведенная операция?

– Нам с тобой сейчас предстоит серьезный разговор, капитан, – заявила Алевтина Борисовна и снова обрела серьезный вид, соответствующий, видимо, тому, что она хотела сказать.

Эта особа сразу потеряла женственность, превратилась в жесткого и сурового командира. Я обратил внимание на то, что носила она костюм от оснастки «Ратник». Только шлема, как на мне, на ней не было. Но прическа у нее была короткая, армейская, без женских выкрутасов и украшательств. Это imponировало мне, человеку военному.

Я даже собственную жену заставлял стричься коротко, выбросил из дома всякие бигуди и разноцветные заколки для волос. Естественная, природная простота всегда лучше всяких замысловатых выдумок парикмахеров и персон, им подобных.

Алевтина Борисовна встала и прошла передо мной по кабинету. Я с удивлением заметил, что боевой костюм делает ее уже не селедкой, а скорее щукой, хищной и опасной. Но говорить об этом, естественно, не стал.

– Итак, Максим Викторович, я не знаю, по каким соображениям ты выбрал себе псевдоним Овсов, но пора уже тебе к нему привыкать, поскольку это будет теперь твоя новая фамилия. Надеюсь, что надолго. На жену твою готовятся документы на эту же фамилию, на дочь тоже. А уж объяснить им необходимость такого действия – это твоя личная проблема и задача. Ты слегка поторопился. Вместо недели, которую я тебе отпускала, выполнил работу за сутки. Поэтому мы не успели полностью подготовиться к встрече. Но тебе уже выделена квартира в Москве. Сегодня завершится оформление. Жена возражать не будет?

– Нет, конечно. Она человек послушный. Служба у меня такая. Жена все понимает и соглашается без долгих объяснений. Не сразу, конечно, но мы давно пришли с ней к взаимопониманию.

– Это хорошо. С детским садиком для дочери вопрос решится в течение недели. Получится, как у тебя, раньше, – хорошо. Не выйдет, жди семь суток. Сегодня из вашей бригады уезжает следователь из Махачкалы, который твою жену допрашивал. Он тебя ищет. Ты ведь по-прежнему в розыске. Ее предупредили, что следует отвечать. А завтра она уже сможет сюда выехать. Собрать вещи и отправить контейнер ей помогут в батальоне. За семью не переживай. Мы не заставляем своих людей отказываться от семьи. Главное, что она от тебя не отказалась. Все остальное приложится. Родителей твоих тоже предупредили на тот случай, если следователь и к ним поедет. Хотя я думаю, что сыскари просто отошлют в МВД документы на розыск, и тогда уже родителей посетят местные следователи. Мы не можем вводить в курс дела здешние правоохранительные органы. Поэтому соблюдай повышенную осторожность, когда будешь родителей навещать.

– Это я понимаю, товарищ полковник. Я всегда осторожен.

– Теперь перейдем к главному. Ты, капитан, зарекомендовал себя как грамотный боевой офицер с определенным набором качеств, не каждому присущим. Военной разведке было бы просто жалко терять такого человека, бросить его на произвол судьбы в сложных жизненных обстоятельствах. Теперь выбор за тобой. Мы предлагаем тебе иную службу. Я знаю, что не все считают такую замену равноценной, но это дело сугубо личного восприятия каждого человека. Ты что-то знаешь о «секторе Эль»?

– О нем все в спецназе слышали. Мол, есть такое подразделение, в котором служат офицеры, совершившие серьезные преступления. Эти ребята якобы не заморачиваются судом и следствием. Они просто ликвидируют ту мразь, на которую им укажет командование.

– Да, так оно и есть. Хорошо, что ты в курсе. Но и выбор у тебя, по сути дела, невелик. Жизнь и служба в «секторе Эль» или смерть в одном из СИЗО Дагестана. Дожить до суда тебе там не дадут, это точно. Так что ты выбираешь?

Вот чего не люблю, так это глупых вопросов. Но мне нельзя говорить об этом Алевтине Борисовне. Услышав такое, она посчитает, что я обозвал ее недалеким человеком.

– Если я приехал сюда, товарищ полковник, значит, сделал выбор.

– Я так и решила. Думаю, это правильный выбор. Но при этом ты должен понимать, что такое служба в «секторе Эль». Ты теперь человек вне закона. Он помнит о существовании Максима Викторовича Онучина, но незнаком с Иваном Васильевичем Овсовым. Кстати, надеюсь, что эта фамилия не имеет к тебе никакой логической привязки. Ты же знаешь принцип выбора псевдонимов и позывных.

– Не имеет, Алевтина Борисовна. Просто вспомнился мне рассказ Чехова, как человек никак не мог вспомнить лошадиную фамилию. Вот я и решил, что она не запоминающаяся. Потому и выбрал ее.

– Может быть, благодаря Чехову она стала запоминающейся?

– Может быть. Но следователи, за редким исключением, не читали Чехова. А то, что в школе изучали, благополучно забыли. Нынешние школьники вообще уверены в том, что на

дуэли был убит не Пушкин, а Толстой. Он написал ужасно длинный, с их точки зрения, роман «Война и мир». За это его и застрелили. Так что здесь беспокоиться не о чем.

– Соглашусь с этим. Мой сын – первокурсник университета, филологический факультет. Я не видела, чтобы он читал Чехова или Толстого. Но мы отвлеклись от главной темы. Итак, послушай меня, Иван Васильевич. – Она перешла на мой псевдоним. – Ты должен понимать, что такое человек вне закона. Это вовсе не значит, что он в ответ плюет на все статьи Уголовного кодекса. Некоторые из них он в случае необходимости просто не помнит. Но никогда не забывает, что является офицером военной разведки, который должен выполнять приказы командования. Какими бы они ни были. Обязательно! Потому что военная разведка – это не просто армия, а ее важнейшая составляющая.

– Это я понимаю. Я в курсе, товарищ полковник, что такое быть ликвидатором. Это не только особый статус. Главное в том, что он военный. Автомат в руках становится лицензией на убийство.

– Да, таковы правила игры, за которую ты взялся. Они очень жесткие. Но есть и еще одно непреложное правило. Если попадешься, ты можешь даже язык себе откусить и пальцы, чтобы не суметь ничего написать и дать показания. Никаких намеков про «сектор Эль». Не существует такого подразделения. Иначе крутые неприятности ждут и тебя самого, и твою семью. Это не пустая угроза. Сыновья и дочери таких офицеров обычно отправляются в детский дом, их жены просто выбрасываются на улицу, остаются без жилья, документов, средств к существованию. Если кто-то из друзей или знакомых пытается им помочь, то такие же меры принимаются и против этих людей. За время моей службы подобное уже однажды случилось. Это неприятно, но такова необходимая, предельно жесткая мера, своего рода принуждение. Офицеры спецназа обычно не боятся за себя, их не испугать ничем: ни смертью, ни болью, ни позором, который организовать тоже несложно. Но за семью переживают все. Я очень откровенно говорю об этом, хочу, чтобы тебе было предельно понятно, что поблажек у нас не бывает ни для кого.

– Я с самого детства хорошо играл в шахматы и всегда старался соблюдать правила, товарищ полковник, – твердо ответил я.

– Да, мне уже говорили, что с тобой легко иметь дело, что ты человек по своей натуре легкий и покладистый.

Я не стал говорить, что не имею ни выбора, ни выхода. Расстрел вертухаев возле машины, как я уже понял, был организован полковником Самокатовой намеренно, чтобы прижать меня как можно сильнее, сделать мое положение безвыходным. Она же передала мне пистолет, но не была уверена в том, что я сумею им воспользоваться в нужный момент, поэтому перестраховалась.

Майор Оглоблин взял с собой двух сержантов и действовал по ее приказу. Он знал, что я не предаю своих бывших подчиненных и его самого, всю вину возьму на себя, никогда не скажу, кто мне помогал. Самокатова советовалась с ним, выспрашивала про меня, а потом отдавала приказы.

Я повелся на это, поверил в добросердечие Алевтины Борисовны. Уже одно это выбрало меня из зоны действия закона. Теперь мне предстояло жить не по нему, а только по правилам игры.

– Наверное, я человек легкий и покладистый. Мне тоже иногда так кажется.

– Значит, договорились?

– Договорились, товарищ полковник.

– По всем бытовым вопросам обращайся напрямую ко мне. Я сейчас вызываю человека, твоего непосредственного командира и куратора на ближайшее время. Остальные твои проблемы, касающиеся службы и устройства на базе, решает он. Дмитрий Евгеньевич введет тебя в группу и будет все объяснять. Первые три месяца за тебя будет отвечать куратор. – Алевтина

Борисовна села за стол и взяла в руку трубку какого-то телефонного аппарата весьма странной формы. – Вместе с группой начнешь интенсивную подготовку к операции, о которой я тебе говорила. Место предстоящей работы – Дагестан. Тамошнюю обстановку ты знаешь лучше всех наших инструкторов, вместе взятых. Сможешь даже что-то подсказать. Если захочешь. Суть задания пока не знает никто, кроме меня и нескольких офицеров оперативного отдела, которые разрабатывают операцию. Так что и не пытайся разнюхивать. Надеюсь, ты не будешь устраивать там персональную охоту на своего лучшего друга старшего следователя подполковника Халидова, хотя такая возможность у тебя обязательно появится. Про него пока забудь. Придет время, мы разберемся и с этим негодяем. Но сейчас он нам нужен, поэтому неприкосновенен.

– Не буду, товарищ полковник, – пообещал я.

– Вопросы есть?

– Извините, товарищ полковник, а что это у вас за странный телефонный аппарат? Ни разу таких не видел. Вроде и современный, но какой-то громоздкий.

Алевтина Борисовна усмехнулась и заявила:

– Что такое засекречивающая аппаратура связи, тебе ведь объяснять не надо, не так ли?

– Не надо. Пользовался многократно.

– Это что-то подобное. Можно сказать, второе поколение, куда более надежная и современная аппаратура, работающая через операторов сотовой сети. У нас везде стоят такие аппараты.

Глава 2

Полковник Самокатова отправила меня к дежурному и приказала ждать, когда меня заберут оттуда. Видимо, я мешал ей сосредоточиться над документами, которые она изучала при моем приходе. Алевтина Борисовна добилась от меня главного – согласия на службу в «секторе Эль».

Можно подумать, что у меня был выбор. Я прекрасно понимал, что если бы меня закрыли в какую-то общую камеру СИЗО и приказали нескольким заключенным, сидевшим там, со мной покончить, то они так и сделали бы. Я не смог бы не спать несколько суток подряд, постоянно защищать свою жизнь. Это невозможно даже для тренированного офицера спецназа ГРУ.

Мой отказ от продолжения службы, предложенного мне, означал бы задержание, оформленное как случайное, и отправку в Дагестан, в то же самое СИЗО. Меня задерживали бы и сопровождали бы до этого заведения не вертухаи, а офицеры спецназа, подготовленные так же хорошо, как и я. У меня не было бы возможности отбиться от них и сбежать.

Я вынужден был согласиться на правила игры, предложенные мне, по собственной воле становился, по сути дела, роботом-убийцей, не знающим ничего, кроме приказа полковника Самокатовой или тех персонажей, которые стояли над нею. Автомат, пистолет, даже нож в моих руках становились лицензией на убийство.

По каким-то глухим отдаленным слухам, уверенности в правдивости которых у меня не было, в «секторе Эль» тоже существовала своя элита, которая работала в основном за границей, причем лишь изредка. Все остальное время эти ребята занимались оттачиванием профессионального мастерства. Оно преподавалось им на таком уровне, что раскрыть заказное убийство было практически невозможно.

Обучение якобы шло по разным направлениям, от последних достижений электроники до жестокой экстрасенсорики. Следователи чаще всего не воспринимают ее всерьез. И совершенно напрасно. Потому как эта премудрость, хотя и требует не только специальных навыков, но и природных талантов.

Остальные же бойцы, такие, как, например, я, действовали только внутри России. Они добавляли ментам определенное количество уголовных дел, раскрыть которые чаще всего тоже оказывалось невозможно даже теоретически. Настолько четко и выверено все совершалось. Иногда на роль преступников подставлялись другие лица, которые вполне заслужили эту незавидную участь.

Дежурный майор в десантной форме оказался неразговорчивым и совершенно не любопытным человеком. Наверное, он что-то уже знал, или же ему просто было наплевать на меня, поскольку он дома теще синяк под глазом поставил, и она написала на него заявление в полицию. Эта тема поглощала все мысли майора, всерьез озабоченного возможными последствиями. Или же он просто хорошо понимал, что любопытство на этой службе наказуемо. Последнее предположение показалось мне самым вероятным.

Человек в экипировке «Ратник» без погон, излишне грязной и мокрой для в общем-то теплого и сухого дня, пришел, как оказалось, за мной. Я подумал, что такой вот его вид – это только результат каких-то практических занятий в поле, которые и у нас в роте, помнится, не позволяли одежде оставаться чистой.

– Иван Васильевич? – спросил он.

– Так точно. – Я встал со стула, выделенного специально для меня дежурным майором в десантной форме.

Мужчина необычайно крепко пожал мне руку. Я хорошо знал, что такая вот способность обычно каким-то образом связана с ударной мощью. Бывает так, что человек сам сухой, даже

легкий, не впечатляющий атлетическим сложением. Но он обладает резким нокаутирующим ударом. У него, как правило, рукопожатие бывает очень сильным и цепким. Наверное, не случайно профессиональные боксеры, развивая силу удара, тренируются с кувалдой или с простым молотком. При этом развивается кисть. Не просто же так кузнецы-молотобойцы всегда славились своим ударом.

Пришедший пожал мне руку, словно проверяя, как я ему отвечу, и представился:

– Дмитрий Евгеньевич меня зовут. Майор Апухтин. Будем теперь вместе служить.

– Капитан... – Я не знал, называть мне фамилию, которой я представлялся дежурному офицеру, или иную, которая имела отношение к имени-отчеству «Иван Васильевич».

Мне показалось неудобным при дежурном оперировать двумя фамилиями.

Но тот все понял и выручил меня.

– Капитан Овсов, – подсказал он. – Пойдем, Иван Васильевич, нас машина ждет. – Дмитрий Евгеньевич взял меня под руку и потащил к двери.

Он наверняка заметил мою заминку, но не придал ей значения. Или наоборот. Поэтому и постарался поскорее замять эту сцену.

Нас ждал микроавтобус, совсем новенький, как я понял по звуку движка, полноприводной, десятиместный. За рулем сидел солдат. Мы с майором забрались в салон, где никого не было, но на многих сиденьях стояли стандартные армейские рюкзаки.

– Сначала на склады, потом в казарму, – предупредил Дмитрий Евгеньевич водителя, повернулся ко мне и заявил: – А мы тебя ждали только через неделю. Полностью подготовиться не успели, но кое-что уже сделали.

Я не стал рассказывать, как так получилось, что мне удалось справиться с боевой задачей за сутки. Так бывает довольно часто. При планировании сложной операции в расчет берется предельный срок. Потом события развиваются так стремительно, что дело может быть завершено за несколько часов.

Мы приехали на склад. Кладовщик в гражданской одежде, видимо, предупрежденный заранее, выдал мне комплект оснастки «Ратник», явно бывший в употреблении, без планшета и коммуникатора «Стрелец», которые я привез с собой. Как я понял, этот комплект полагалось использовать для тренировочных занятий. Дмитрий Евгеньевич подтвердил мое мнение. Там же я получил и совсем новые, еще не разношенные берцы.

На соседнем складе я обзавелся пистолетом СР-1МП. Он был почти такой же, как тот, который я сдал начальнику штаба сводного отряда, только чуть более продвинутый, приспособленный для нужд спецслужб. Новый пистолет имел глушитель и планку Пикатини, к которой можно было крепить дополнительные приспособления.

Кладовщик предложил мне целый набор всяких штучек подобного рода. Я сразу выбрал для себя лазерный целеуказатель, совмещенный с дальномером, и довольно компактный тактический фонарь. У нас в роте они имелись, но были слишком велики и крепились только к автомату. Весили они, наверное, столько же, сколько сам пистолет, при стрельбе клонили бы ствол книзу, мешали бы качественному прицеливанию.

Вместо малогабаритного автомата 9А-91 я получил пистолет-пулемет ПП-2000 с глушителем. Конечно, эта модель имела не только собственные плюсы, но и минусы в сравнении с моим бывшим стволом. Однако офицер спецназа должен уметь пользоваться всем тем, что ему дают в руки. Не зря у нас говорят, что оружием может стать все, от яблока в руке до веника в углу кухни.

ПП-2000 слегка отличался как от яблока, так и от веника. Но у меня не было непосредственной необходимости привыкать к новому оружию, поскольку в пору моей службы командиром взвода у нас проходил испытания именно этот пистолет-пулемет, достаточно удобный, специально создаваемый для спецподразделений различного назначения. Правда, выпускаться ПП-2000 начал по утверждению МВД, поскольку был признан оружием, удобным для город-

ского боя. Однако и у нас в спецназе этот пистолет-пулемет признавался хорошим оружием. Хотя бы потому, что он легко прятался под одежду.

Он имел целый ряд преимуществ даже перед израильским «узи». Некоторые из этих новшеств казались отдельным специалистам парадоксальными и излишне смелыми. Так, например, у ПП-2000 была намеренно снижена скорострельность. Данное обстоятельство, по моему субъективному мнению, сделало огонь пистолета-пулемета куда более прицельным, точным. В условиях городского боя это считается важным фактором, который способен исключить наличие жертв среди мирного населения.

Самым тяжелым из всего того добра, которое мне довелось получить, оказался оружейный сейф. Я впервые столкнулся с тем, что должен был иметь такой вот тяжеленный шкафчик. Если бы мы пришли сюда на своих двоих, то мне довелось бы тащить его на плече до казармы, находящейся неведомо где. Конечно, я сумел бы это сделать. Силами меня природа не обидела, да и выносливости мне вполне хватало.

Но такой необходимости, к счастью, не возникло. Я просто положил сейф плашмя в салон микроавтобуса, сразу убрал туда оружие и патроны, запер дверцу, а ключ, естественно, сунул в свой карман.

Должен сказать, что второй экземпляр ключей остался у Дмитрия Евгеньевича. В принципе ничего страшного в этом не было. Служба у нас такая, что погибнуть или быть тяжело раненным может всякий. Тогда кому-то придется позаботиться об оружии этого человека. Естественно, что запасной ключ находится именно у непосредственного командира.

Вследствие недвусмысленного предупреждения полковника Самокатовой я просчитал и еще один вариант. Если мне вздумается нарушить правила игры, то мой сейф может быть вскрыт. С использованием моего оружия будет совершено преступление. Экспертиза потом докажет этот факт. В результате я попаду за решетку, где меня и прикончат.

Конечно, сменить замок сейфа я вполне сумею. Но такая мера предосторожности мне несколько не поможет.

Я вернулся на склад и засунул обмундирование в свой рюкзак. После этого мы с майором вышли из помещения.

Микроавтобус легко проехал по гравейной дорожке до асфальта, по нему без проблем миновал небольшой лесок. Он остановился около двухэтажного здания, построенного из силикатного кирпича, как и штабной корпус. Над ним высились только тарелки спутникового телевидения, и не было никаких антенн связи. Из чего я сделал вывод, что мы приехали в казарму.

Дмитрий Евгеньевич сразу провел меня на второй этаж, открыл своим ключом комнату и заявил:

– Твое временное обиталище. Тащи сюда сейф и рюкзак. Думаю, что ты хотя бы ночь для начала здесь проведешь, а дальше будет видно.

– Я вообще-то человек непривередливый, могу даже на лестнице уснуть.

Сейф и рюкзак я принес одним рейсом, продемонстрировал, что радикулитом моя спина не страдает, да и руки еще на что-то способны. По крайней мере, если выгонят из армии, смогу работать в магазине грузчиком. Я слышал, что такая вот трудовая деятельность считалась весьма престижной в советские времена. Однако сейчас ее значимость сошла на нет. Ну да ничего. Я найду себе и другое применение. Например, открою собственный фитнес-клуб и стану там тренером, буду по сходной цене избавлять дамочек от лишнего веса.

– Переодевайся. Сразу на полигон поедем. Там вся группа занимается снайпингом. Сейчас дневные стрельбы, с наступлением темноты – ночные. Оружие бери свое, чтобы рука привыкала, ствол стал ее продолжением.

– Через две минуты буду готов, – заявил я.

Основная часть этого времени у меня ушла на то, чтобы зашнуровать берцы.

Настоящим снайпером я себя никогда не считал. Более того, всегда утверждал, что для каждой военной специальности человеку требуются особые, тщательно наработанные навыки. Тем не менее представление о снайперской стрельбе я, разумеется, имел, умел пользоваться лазерным дальномером, прицельной маркой, знал, что такое параллакс и угловая минута. Мне были известны и еще некоторые тонкости этого военного ремесла. Однако повторю, что профессионалом в этом деле я не являлся.

Тут не было никакой беды. Никто не обнимет необъятного. Каждый военный человек должен заниматься своим делом. Я не мог, например, сравниться с солдатом-сапером в знании минного дела, хотя был знаком с ним не понаслышке. При необходимости я не раз и ставил, и обезвреживал различные взрывные устройства.

Собрался я быстро, как привык в армии. Свой более-менее приличный экземпляр экипировки «Ратник» я по привычке отправил в шкаф на вешалку. Новую экипировку подтянул, где требовалось, ремнями и пряжками, но не туго. Я не стал загонять себя, как делают некоторые, в жесткий панцирь, в котором трудно бывает пошевелиться.

Машина ждала нас на дороге против дверей, там где мы ее и оставили. Чтобы добраться до стрельбища, не требовалось выезжать за территорию воинской части. Ехали мы минут сорок, все по лесной неровной дороге. Даже на малой скорости укатили мы достаточно далеко.

Этот факт говорил о том, что хитрое подразделение, именуемое «сектор Эль», занимало весьма большую территорию. Хотя я сразу предположил, что тут базируются и другие воинские части. Об этом говорило присутствие тут людей в десантной форме и даже представителей инженерных войск.

Надо сказать, что на костюме от «Ратника», который я получил на складе, не было вообще никакой эмблемы. Не имелось ее и на рукаве у майора Апухтина. Но спрашивать что-то ради выяснения ситуации я не стал. Когда нужно будет, возникнет необходимость, мне все растолкуют и сообщат. А если нужды нет, то и суетиться не стоит.

Когда мы прибыли на стрельбище, майор Апухтин предложил мне придумать позывной. Он сказал, что люди в группе не знают ни имен-отчеств, ни фамилий друг друга.

Я ответил, долго не думая:

– Волкодав.

– Привязка!.. – строго напомнил мне Дмитрий Евгеньевич.

Да, он был прав. Привязка ощущалась потому, что спецназовцев ГРУ и внутренних войск часто называют волкодавами.

– Привязка только в том, что у меня дома живет ирландский волкодав.

– Значит, двойная привязка. Как еще ирландских волкодавов называют, если уж тебе так хочется с собакой себя связать?

– Ивушка. Первые две буквы совпадают с названием породы.

– Вот и стань Ивушкой. Капитан Ивушка. Это звучит. Особенно без звания. Будешь просто курсант Ивушка. Ты ведь теперь снова курсантом сделался.

– Надо мной люди смеяться будут. Скажут, что баба. Или решат, что командирше нашей угодить хочу, под нее подстраиваюсь.

– Тогда будешь просто Ив. На французское имя похоже. У тебя, случаем, нет лягушачьих корней?

– Не заводил. Не уважаю кваканье.

– Вот и хорошо. Пусть будет Ив. Устроит?

Майор говорил настойчиво, и у меня не было причин отказываться.

– Согласен. Вполне устроит.

Группа, к которой мы присоединились, состояла из восьми человек. Майор Апухтин был здесь самым старшим во всех отношениях. Он оказался единственным, кто отзывался на имя-

отчество, фамилию и звание. Все остальные, когда майор меня представил, назвали только свои позывные.

Из этого я сделал вывод, что майор Апухтин командует только учебным подразделением и не готовится участвовать в предстоящей операции. То есть он вообще держится в стороне от основной работы «сектора Эль».

Группа сидела на пригорке. Инструктор по снайпингу, немолодой старший лейтенант с впалыми щеками, поросшими седоватой щетиной, объяснял своим подопечным, как провести отстройку параллакса оптического прицела с помощью лазерного дальномера.

Я это все знал отлично, поскольку уже проходил такое обучение сначала на курсах повышения квалификации при Военно-дипломатической академии, потом на занятиях по снайпингу, организованному специально для командиров рот бригады. После чего я сам натаскивал по этой части командиров взводов своей роты, чтобы они, в свою очередь, обучали солдат.

Это значило, что знания у меня по данному вопросу были. Но я никак не показывал этого. Надо ли рисоваться, если сразу может возникнуть вопрос насчет того, где я эти знания получил? Как ими пользовался? Тогда откроется прямой, хорошо заметный след, ведущий к командиру роты спецназа ГРУ Максиму Викторовичу Онучину.

Потом начались практические занятия. Они проходили в группе, но индивидуально. Инструктор осматривал прицел на пистолете-пулемете каждого курсанта, проверял заводские и индивидуальные настройки и регулировки. Потом он указывал цель, расстояние до которой требовалось определить лазерным дальномером, и отстроить параллакс. После чего инструктор сам прикладывался к прицелу глазом, смещался вправо и влево, чтобы смотреть не напрямую. С помощью специального барабанчика, расположенного слева от трубки прицела, он делал такую настройку, какая требовалась в данном случае, и объяснял свои действия.

Я оказался единственным в группе, кто все сразу сделал правильно, практически идеально и предельно быстро.

Инструктор внимательно посмотрел на меня и спросил:

– Снайпером служил?

Я в ответ только отрицательно помотал головой.

– А где научился? – Данный вопрос был откровенной проверкой на вшивость.

Это я понял уже по тому, что майор Апухтин немедленно шагнул ко мне и остановился за моей спиной.

– Да так. Показывали знающие люди.

Этот ответ показался инструктору исчерпывающим. Больше вопросов не последовало.

Я сразу понял, что в «секторе Эль» соблюдение режима секретности ставится превыше всего. Может быть, даже боевой подготовки. Здесь не рекомендовалось делиться собственными знаниями и боевым опытом.

Это, на мой взгляд, было в корне неправильно. Раскрытие режима секретности возможно тогда, когда группа, выполняющая задание, провалится. При отсутствии должной подготовки такой вариант вполне возможен. Тогда вопрос сохранения тайны будет зависеть только от страха бойцов за свою семью, за то, что ее ждет.

Но ведь вариантов семейных отношений существует ровно столько же, сколько и людей. Иной раз муж и жена люто ненавидят друг друга и не знают, как одному от другого избавиться. В этом варианте развития событий человек в состоянии даже умышленно подставить свою вторую половину. Но я понял, что мужчине очень сложно что-то понять там, где правит ум женщины. Да, это я про полковника Самокатову.

Однако главным и тут было то самое обстоятельство, которое я учитывал уже давно. Оно являлось реальным и обязательным во всех сложных жизненных ситуациях. Нельзя лезть со своим уставом в чужой монастырь! Тем более мне, человеку новому, только-только появивше-

муся здесь, не успевшему еще присмотреться и определить для себя, что здесь правильно, а что нет.

Эти наши дневные занятия завершились, как и полагается, учебной стрельбой. Здесь, даже при всем своем умении пользоваться оптическим прибором, я, к сожалению, не смог показать лучший результат. Конечно, я старался, точно выполнял все правила, но в итоге оказался только где-то в середине списка, хотя всегда считался отличным стрелком.

Тогда-то у меня и зародилась мысль о том, что все бойцы группы умели управлять настройкой параллакса оптики, но никто, кроме меня, не показал, что способен это делать. Наверное, свои тайны здесь следовало сохранять даже от инструкторов.

Глава 3

После стрельб все мы отправились на обед. Он оказался таким, какой по сытности и калорийности и не снился никому даже в линейных частях спецназа ГРУ. А ведь там людей кормят по высшим десантным и высокогорным нормам.

Вслед за обедом проводились занятия по экстремальному вождению автомобиля. Эта тема в общем ее понимании – мой конек на всех курсах повышения квалификации офицеров спецназа ГРУ, которые мне доводилось проходить. Но в повседневной, самой основной работе командиров взводов и роты навыков экстремального вождения не требовалось. Мы, к сожалению, не учили этому своих солдат.

Тема нашего занятия касалась того, как должен управлять машиной водитель-телохранитель в случае реальной угрозы преследования с, мягко говоря, недобрыми намерениями. Я сначала не понял, зачем оно нам надо, и только потом догадался о причине такого подробного изучения данных аспектов.

Я уже знал, что «сектор Эль» – это ликвидаторы. А как нам работать всерьез, если мы не знаем особенностей действий охраны в случае возникновения какой-либо опасности для клиента?

Если спецназ ГРУ и изучал какую-либо систему охраны, то только ту, которая применялась на воинских объектах вероятного противника, в его штабах, на складах горюче-смазочных материалов, радиолокационных станциях и прочих подобных местах. До нас, например, доводились особенности несения караульной службы в армиях каждой отдельной страны НАТО. Вот и все.

Именно поэтому офицеры спецназа ГРУ, вышедшие в запас, как правило, весьма неохотно идут на работу в качестве телохранителей, хотя стреляют лучше любого киллера и в рукопашной схватке дадут фору самому крутому профессиональному бойцу любого стиля. Но они обучены быть диверсантами, то есть уничтожать, а не защищать.

Здесь же, на базе «сектора Эль», подход к делу был иным. Нас обучали именно преодолевать систему защиты, нейтрализовать телохранителей. В том числе и на дороге общего пользования. Для этого и изучалось экстремальное вождение.

Простейшие уловки телохранителей, применяемые на трассе, знает любой военный разведчик, хотя мы и не изучаем специально работу в городских условиях. Можно, например, предельно разогнаться перед идущей впереди машиной или еще лучше троллейбусом, автобусом. В самый последний момент, не забывая про контроль левой полосы движения, без включения сигнала резко повернуть. Если ваш преследователь слегка заезает или отвлечется на разговор, то он имеет возможность врезаться в то транспортное средство, которое вы подставили ему под удар.

Еще стоит двигаться за троллейбусом по второму ряду, вроде бы параллельно, поскольку он всегда идет по первому. И вдруг вы перед самым носом троллейбуса сворачиваете на ближайшую улицу направо. Водитель троллейбуса испугается и резко затормозит. Но при вашем умении правильно рассчитывать скорость двух транспортных средств и при соответствующих данных двигателя вашего автомобиля, то есть возможности разгона с места, аварии не произойдет. Правда, от резкого торможения могут пострадать пассажиры, но в данном случае о них речь вообще не идет. В конце-то концов для того и существуют в общественном транспорте поручни, чтобы за них держаться. А машина-преследователь повторить маневр не успеет, поскольку поворот уже будет перекрыт массивным корпусом троллейбуса.

Мы изучали и другой вариант. Что должен делать водитель-телохранитель, когда увидит перед собой достаточно тяжелую машину, вставшую вдруг поперек дороги? Естественно, он

пойдет на таран. Но простой удар принесет мало пользы. Две машины останутся в месте аварии. Этот факт как раз и обеспечит успех покушения.

Тут не все так просто. При этом следует считать, что водитель-телохранитель имеет необходимый опыт. Он знает, что при скорости ровно в шестьдесят километров в час даже легкий «Матиз» сможет развернуть массивный «шестисотый» «Мерседес» носом в обратную сторону. Для этого надо нанести удар в его заднюю часть, примерно на шестьдесят сантиметров позади колеса. Пока «Мерседес» будет разворачиваться, чтобы продолжить преследование, ситуация в состоянии измениться в корне. Если водитель «Мерседеса» вдруг пожелает продолжить погоню задним ходом, то флаг ему в руки и кучу машин для столкновения.

Нас обучали противодействовать умению водителя-телохранителя. В ожидании столкновения ваша машина должна стоять обязательно с включенным двигателем и на задней передаче. В нужный момент вам останется только отпустить педаль сцепления и чуть-чуть надавить на акселератор. Это при наличии механической коробки передач. При автоматической требуется включить реверс, нажав педаль тормоза, и ждать. Потом вы перебрасываете ногу на педаль акселератора.

Удар придется машине в бок. Он в состоянии повредить оба автомобиля, но уже точно не развернет «Мерседес» против движения. Результат, необходимый вам, снова будет достигнут.

После часа теоретических занятий нас всех усадили в тот же микроавтобус и куда-то повезли. Я знал, что где-то в этих местах находится полигон Федеральной службы охраны. Там любой человек за соответствующую оплату может посещать занятия по экстремальному вождению. Я предполагал, что нас доставят именно туда. Но оказалось, что «сектор Эль» имеет собственный автодром.

Сначала меня это удивило. Я подумал, что у ГРУ слишком много свободных средств, которые эта структура может вложить во что угодно, по своему усмотрению. Но потом я понял, что наше командование просто не желает раскрывать личности бойцов и методы их обучения. Тем более перед ФСО. Ведь мы наверняка рано или поздно будем работать против тех персонажей, которых охраняет именно эта контора. Такова специфика действий «сектора Эль».

На полигоне нам были предоставлены битые-перебитые машины, у которых порой даже крыша была помята. Значит, здесь наверняка отработывалась и техника переворота.

Мне довелось заниматься этим на курсах повышения квалификации. Для совершения управляемого переворота легковой машины требовался только трамплин, который обычно используют в своих выступлениях всякие циркачи из «Автородео», когда им требуется поставить автомобиль на два колеса. Точно так же для начала поступали и мы, а потом резким поворотом руля во внутреннюю, приподнятую над дорогой сторону опрокидывали машину.

Она несколько раз перекатывалась через крышу и останавливалась там, где требовалось водителю. Это место определялось заранее. Скорость и особенности управления достаточно легко просчитывались специалистами.

При желании легко можно было направить машину и так, чтобы она свалилась с дороги. Здесь сложность состояла только в том, чтобы автомобиль оказался в таком положении, которое вам нужно в данный момент – на крыше или на колесах. Но и это поддавалось достаточно точному просчету. Он делался на основе собственных навыков, частой практики и определенных формул.

Я вот лично всегда, сколько себя помню, с самого детства любил автомобили. Еще дедушке своему, будучи совсем ребенком, помогал ремонтировать его старенькую «Победу М-20». Он больше возился с ней, чем ездил. Я постоянно проводил время у него в гараже, специально пачкал себе лицо и руки так, чтобы, в моем понимании, это выглядело красиво и убедительно для мальчишек нашего двора.

Автомобили я к подростковому возрасту уже знал достаточно хорошо, даже гордился тем, что могу что-то подсказать профессиональным водителям. Да и ездил, как сам я считал, совсем неплохо. Поэтому занятия по экстремальному вождению на автодроме «сектора Эль», пусть и много лет спустя, пришлось мне по душе.

После них один из двух наших инструкторов отметил:

– Курсант Ив на дороге даст фору любому из нас.

– Да, он неплохо справляется с машиной, – холодно констатировал майор Апухтин, который, как я уже заметил, на похвалу был человеком скупым.

Я только не понял, откуда инструктор по экстремальному вождению, человек без погон, возможно, даже гражданский, знал мой позывной. Ни я, ни другие члены группы этому человеку не представлялись. Но ему этого, похоже, и не требовалось. Однако я даже не пытался разгадать эту загадку. Меньше знаешь, крепче спишь.

Таким вот образом прошли занятия уже по двум дисциплинам. Я в обоих случаях чувствовал некоторое свое преимущество перед другими членами группы. Хотя, честно говоря, не был уверен в нем полностью.

У меня складывалось впечатление, что здесь принято скрывать свои реальные навыки. Но я не понимал, почему так сложилось. Видимо, сказывался стиль руководства.

Никто не рвался ввести меня в курс дела, что мне не совсем нравилось. Впрочем, как офицер спецназа, я умел встраиваться в любую поведенческую модель, стоило только к ней присмотреться. Вот этим я пока и занимался.

Следующие два часа по расписанию были отведены изучению ситуации, на данный момент сложившейся в Дагестане. Полковник Самокатова уже предупредила меня, что работать мне предстоит именно там. Она говорила, что я имею возможность поделиться с другими членами группы впечатлениями от республики. Если захочу.

Уже после знакомства с новыми сослуживцами я подумал, что такая фраза была брошена Алевтиной Борисовной вовсе не случайно. Вероятно, она тоже являлась частью проверки на вшивость. Влившись в группу, я обязательно должен был ощутить тот дух закрытости, который буквально царил в ней и вокруг нее.

Приму я его или нет – это прямо покажет мое поведение. Если не захочу, то буду рассказывать о Дагестане. Да, налицо, несомненно, проверка с одновременной учебой.

Мне стоило вести себя осторожно, хотя я не знал, чем мне грозил прокол в такой ситуации. Ведь я, по сути дела, не нарушал никакого правила. Более того, всегда мог сослаться на слова полковника Самокатовой, которые воспринял как рекомендацию поделиться информацией. Это было бы вполне естественным явлением.

Но я уже упоминал о том, что меня смущала одна фраза Алевтины Борисовны. О том, что я могу захотеть или нет делиться информацией. Приказы, как и обстоятельства, тоже следует уметь читать между строк или фраз. В этом, очевидно, и состояла проверка моей персоны, которую проводила полковник Самокатова.

Поэтому на занятиях я сидел, молчал и слушал инструктора, который часто выдавал настоящую чушь, от которой меня воротило. Я видел, что он был буквально напигован той самой политикой, которая предельно далека от реалий. Меня несколько раз просто подмывало вставить пару-тройку фраз, но я как-то сдерживался.

Я стал слушать инструктора с интересом только тогда, когда он повел рассказ о различных национальных особенностях народов Дагестана. Речь шла о компактном проживании суннитов и шиитов, о том, как в республике мирно соседствуют христианские церкви и мечети. В северных районах, где есть калмыцкое население, к ним добавляются буддийские храмы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.